

МОИ ОТЕЦ И Я РАБОТАЕМ В КИНО

КСЕНИЯ КУПРИНА — единственная дочь писателя А. И. Куприна — пишет книгу о своем отце. Воспоминания Ксении Александровны охватывают небольшой период жизни семьи Куприных на родине: годы первой империалистической войны, Февральской революции и послеоктябрьский период.

В 1920 году А. И. Куприн с женой Елизаветой Морцевной и дочерью оказались во Франции. Долгие и мучительные 17 лет жизни писателя в эмиграции наиболее полно отражены в воспоминаниях К. А. Куприной.

Ниже мы публикуем (сокращенно) главу из будущей книги. В ней рассказано о попытках Куприна работать для кинематографа, создавать сценарии. Впервые публикуется первая часть написанного Куприным в Париже сценария «Рахиль». Попытки писателя работать на чужбине в кинематографе не увенчались успехом.

В дореволюционной России произведения А. И. Куприна инсценировались для экрана («Гранатовый браслет», «Яма», «Трус» и другие). Полвека назад в журнале «Сине-Фоно» (№ 24 за 1913 год) появилось рекламное объявление:

«ВИТА. (Первое Санкт-Петербургское кинематографическое ателье). С участием А. КУПРИНА ЖАКОМИНО ЖЕСТОКО НАКАЗАН Выпуск 3 сентября 1913 г. Длина 130 метров».

Известный цирковой клоун Жакомино был дружен с Куприным. Их вместе запечатлели в короткометражной комедии.

К этому же времени относится привлечение писателей к работе для экрана кинофабрикантом А. Ханжонковым. В своих воспоминаниях он сообщил, что им были подписаны договоры на сценарии с А. Куприным, Л. Андреевым, А. Аверченко, Н. Тэффи, Ф. Сологубом и другими. Но кинолент по сценарию А. Куприна в фильмографии Ханжонкова не обнаружено.

Уже после возвращения Куприна в СССР у нас были поставлены по его произведениям «Посидинок» и цветной стереофильм «Белый пудель».

Ксения Куприна вернулась на Родину в 1958 году. Она вошла в труппу Московского драматического театра имени Пушкина.

Дочь писателя встретила в Москве, Ленинграде, Гатчине, Киеве, Тбилиси и других городах с теми, кто знал ее родителей и ее в детстве. Эти встречи восставили в памяти К. Куприной некоторые эпизоды из жизни Александра Ивановича, которому будет посвящена книга, выпускаемая издательством «Советский писатель».

Ксения КУПРИНА в роли донны Казимиры («Романьола»).

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

1921 ГОД. Париж — «столица мира» — не оправдал радужных надежд. С самого приезда отец мечтал купить домик подалее от шумного города. Тишина и природа были ему необходимы. Но золотые горы, которые ему сулила эмигрантская печать, оказались всего лишь жалким заработком. Решили снять дачу в пригороде до той поры, когда переведут на французский язык основные произведения Куприна. Отцу очень хотелось восстановить гатчинский образ жизни — покопаться в земле.

Дачу сняли в Севр-Виль Д'авре. Как и Гатчина, она была недалеко от железнодорожного полотна и в получасе езды от города. Но на этом сходство с Гатчиной кончалось.

...Каменный двухэтажный домик с узким покатым садом. Весной он выглядел привлекательно, южная сторона дома была обвита чайными ползучими розами, в саду цвели сирень и пышные рододендроны.

Внутри дача была меблирована в мецанском французском вкусе, со множеством статуэток, талантливых литографий, золоченых амуров и стеклянных коллаков, под которыми хранились свадебный венец хозяев дома и восковые букеты.

Чужая обстановка, чужая земля и чужие растения на ней вызвали у отца горькое сожаление о России.

Ничего ему не было мило. Даже запах земли и цветов. Очень скоро он перестал копаться в клумбах и грядках. Нахлынули бесконечные гости. Шумные споры настолько надоели отцу, что он вывесил в столовой плакат: «О политике в моем доме прошу не говорить».

Вся эта разношерстная, часто голодная эмигрантская братия совсем разорила нас. Маме приходилось брать в кредит провизию у лавочников. Потом мясники и булочники приходили к нам требовать немедленной уплаты, орали и бессовестно обсыпывали. Спустя несколько месяцев, зимою, до того дошло,

что отсутствие денег и кредитов заставляло нас ходить в лес Сан-Клу собирать там дикие каштаны и питаться ими. Хорошо еще, что отец научил маму и меня относиться с юмором к превратностям фортуны.

Если неожиданно приходили деньги то ли за перевод, то ли за издание книги или за напечатанный в каком-нибудь журнале забытый рассказ, это в нашей семье называлось: кашнуло с небом!

И снова кормились приезжавшие к нам по старому русскому обычаю гости, «на огонек»...

ОДНАЖДЫ к нам приехали русские кинодеятели. Эти эмигранты заполнили тогда французское кино. Во главе их был режиссер Туржанский, с ним его жена, киноактриса Кованько с огромными пустыми глазами, явно запуганная авторитетным супругом. Приехал и Иван Мозжухин, пленивший миллионы зрителей своим неподвижным светлым взором. С ним была его партнерша и жена Н. Лисенко.

Среди кинодеятелей я увидела актера Николая Колина. Он запомнился мне еще по Москве. Мы познакомились там в 1918 году, когда приехали всей семьей. Моему отцу предстояло встретиться с Владимиром Ильичем Лениным для переговоров о проекте издания журнала, затеваемого А. М. Горьким.

И мне вспомнились дни, проведенные нами в Москве, постановка шекспировской «Двенадцатой ночи» в студии МХАТа, где Колин ярко сыграл Мальволио. Хотя в театре было холодно, мы почти не заметили этого.

Кинодеятели решили заказать А. И. Куприну сценарий.

Знаменитый немецкий режиссер Фриц Ланг поставил тогда нашу первую картину о торжестве смерти над любовью — «Три света» — с участием Конрада Вейдта. Помню, в фильме между эпизодами появлялась часовня с множеством горящих свечей — маленьких, больших, тонких и толстых. Одни едва загорались, другие догорали. Они были символом человеческих жизней. Когда «некто в черном» торжественно гасил одну из свечей, герои эпизодов друг за другом умирали.

Режиссер Туржанский хотел противопоставить этому фильму другой — о торжестве любви над смертью.

МОИ отец взялся за сценарий довольно охотно. Ему давно нравилась библейская легенда о Рахили. Неугасающая и всепрощающая любовь до смерти. Эту первую часть киносценария, привезенную родителями из Парижа в Россию и никогда не публиковавшуюся, Куприн написал тщательно и вдохновенно. Но на дальнейших эпизодах отец застрял. Будучи реалистом, он не умел фантазировать. Продолжение этого сценария сохранилось лишь в рукописи, весьма небрежной и неразборчивой. То были скорее наброски, сделан-

ные им для самого себя. Вот что удалось разобрать в этих беглых записях, рассказывающих о второй жизни Рахили.

...В Грузии разбойники нападают на аул и похищают двух молодых девушек — Дину и Тамару. Это переполненные Рахиль и ее сестра Лия. В Алепо их продают на невольничьем рынке разным хозяевам. Дина попадает в гарем султана. Султан — это Иаков. Он влюбляется в Дину. Но она не может ответить на его любовь, она раба, купленная им. Султан решает отпустить Дину на родину. Получив свободу, она поняла, что любит его, и остается. Тем временем Тамаре удалось сбегать, переодевшись матросом. Она попадает в Алепо, где встречает Дину. Тайное свидание ночью. Одна из отвергнутых жен султана доносит ему, что Дина встречается с юношей. Тамару и Дину схватывают. И по приказанию султана Дину зашивают в мешок, бросают в море. Когда юнга приводит к султану, обман раскрывается, но слишком поздно.

...Эпизоды третьей жизни Рахили происходят в Париже. Знаменитый в Америке композитор написал «Плач Рахили». В Париже эту арию будет петь известная певица. Композитор, прибывший на премьеру, никогда ее не видел. В театре они узнают друг друга и никогда уже не расстаются, умирают в один день, и на их могилы молодые девушки и юноши приносят цветы...

В последнем эпизоде сценария знаменитый поэт читал письмо незнакомки, написавшей, что она всю жизнь его любила, но сознается лишь перед смертью. Поэт бросается в больницу, спасает ее. Наступает тихая, семейная жизнь. В финале — смех ребенка и лай фокстерьера.

Как видно, Куприну надоели фантастика и насильственная лирика. Сценарий не имел успеха. И тут моя мама решила, что и она сможет написать сценарий. Отца это насмешило. Мы ходили с ним на цыпочках по дому и, прикладывая палец к губам, шепотом говорили: «Тсс, мама пишет!» Мы так ее извели, что однажды она расплакалась и воскликнула:

— Какие у меня гадкие, злые дети! Вслед за этим сожгла свою рукопись в камине.

КИНОАКТЕР Николай Колин зачастил к нам.

Он подружился с отцом. И нередко оба они с тоской беседовали о покинутой родине. Колин ни слова не знал французского, но почему-то считал моего отца, немного говорившего на этом языке, отличным переводчиком. Они вместе ездили к кинорежиссеру Абелью Гансу для переговоров. Ганс считался специалистом по постановке фильмов с огромными массовками. Капиталисты, финансировавшие его фильмы, боялись режиссерского размаха: он никогда не укладывался в смету, причинял огромные убытки.

Вплоть до появления говорящего кино Колин пользовался успехом во

Франции, считался одним из лучших и тонких комических актеров. Он так и не научился французскому языку. Звуковое кино резко изменило его судьбу. Он уехал из Франции.

Приезжал к Куприну советский актер Икинжинов, прославившийся в фильме «Потомок Чингиз-хана», поставленном В. Пудовкиным. Икинжинов предложил моему отцу инсценировать для кино «Штаб-капитана Рыбникова». Для монгольского типа этого актера нужны были соответствующие роли. Но экранизация этого рассказа Александру Ивановичу не удалась.

В 1925 году после продолжительной болезни я вернулась из Швейцарии в Париж, где жили родители. Шестого июня того же года отец писал своему другу, борцу Зайкину: «Ксения приехала из Ниццы домой. Выросла, похудела, немного забронзовела на воздухе. Все говорят, что хороша собой. Но, ангел небесный! Какой же в этом толк, если нет в виду американца (не знаешь ли ты, где их достают?!)».

Отец шутил насчет того, что французы женятся лишь на приданом, а эмигрантские женихи, дескать, голодранцы. И вся надежда — выдать меня за валютного американца.

«Научилась, дурочка, краситься, и ничем ее не убедишь, что к ее хотя и тонкой, но очень русской лупетке это вовсе не идет».

ВТОТ год наше материальное положение было крайне тяжелым. Чтобы послать меня учиться в Швейцарию, потом в Ниццу, родителям пришлось прибегнуть к большим жертвам и влезть в долги. Я решила начать работать, хотя отец и мать настаивали, чтобы я продолжала учиться рисованию. Однако, зная, как это для них тяжело, я поступила манекенщицей в знаменитый Дом моделей Поль Пуарэ.

Но, как все молодые девушки, мечтала о работе в кино. Режиссеры и продюсеры мне казались высшими существами, волшебниками. Взмахнут палочкой — и я кинозвезда.

Работа манекенщицей имела одно достоинство: я могла взять на вечер какой-нибудь сказочный туалет. Однажды, когда я уходила на прием, дом моделей одолжил мне золотое платье и золотое сорти де бал, обшитое зелеными страусовыми перьями. Вероятно, моя в общем-то еще детская мордашка в этом туалете казалась смешной. Но я чувствовала себя королевой бала. Здесь мне довелось познакомиться с наиболее известным тогда французским режиссером Марселем Л'Эрбе.

В то время «Великий немой» выходил из пеленок. Л'Эрбе, Рене Клер, Дювилье, Абель Ганс были «киноноваторами». Каждый в своей тайной лаборатории придумывал трюки. Каждый старался создать новое в звуковом кино. Л'Эрбе был эстетом. Его сотрудники молитвенно относились к нему. Я заинтересовала его, и он предложил мне сделать пробу. Его студия была на окраине Парижа. Пробы оказались положительными, хотя, когда я впервые увидела себя на экране, мне стало жаль запуганную девочку.

А. И. КУПРИН с клоуном Жакомино. Снимок сделан до революции. Публикуется впервые.

Л'Эрбе предложил мне подписать договор на киносъемки. Отец писал Занкину по этому поводу 20 декабря 1926 года: «Дочь подписала контракт с кинематографом. Будет «крутиться», но это меня не очень веселит. Здоровье ее жиденькое...»

У режиссера Л'Эрбе я снялась в пяти фильмах: «Дьявол в сердце», «Тайна желтой комнаты», «Духи дамы в черном», «Имперская дорога» и «Авантюрист».

В дальнейшем отец всегда волновался и вместе со мной переживал мои надежды и разочарования на этом трудном поприще. С появлением говорящего кино мне поставили на вид мой русский акцент, который я долго не могла изменить. Пришлось поступить в театральную школу.

Успех мой в кино был переменчивым. Сколько было обещаний, ожиданий в темных передних у постоянно возникавших и прогорававших частных предпринимателей. Заработанные деньги уходили на туалеты. Киноактриса

обязана часто показываться, быть на виду.

Сколько ночей я с мамой провела, перешивая старые платья, поднимая петли на чулках. За мной приезжали веселые, беззаботные компании в дорогих авто, а дома был выключен газ и электросвет за неуплату.

Постепенно мое имя как актрисы кино стало довольно известным. Отец всем рассказывал, как однажды шофер такси, услышав имя Куприна, спросил: — Вы не отец ли знаменитой Киссы Куприной?

Вернувшись домой, Александр Иванович возмущался:

— До чего я дожил? Стал всего лишь отцом «знаменитой» дочери.

К тому времени я снялась еще в ряде фильмов («Последняя ночь», «Лоретта», «Женский клуб» и других). И вот в день моего рождения папа преподнес мне красные розы, а с ними шуточное четверостишие:

Ах! Нет другого мнения,
Всех краше в мире Ксения,

Твердят кинематографы
И всякие фотографы,
А также господин
А. Куприн.

МНОГО раз с отцом вели переговоры о постановке в кино то одного, то другого его произведения. Но мода на русских во Франции прошла. «Славянская душа» надоела...

В 1927 году Голливуд заинтересовался экранизацией «Поединка». Снова возникла надежда купить домик на юге Франции, избавиться от преследовавшей нас бедности. Переговоры длились почти год. Отец пошел даже на то, чтобы переделать «Поединок» в более розовый цвет и закончить фильм счастливым концом, как требовали законы Голливуда.

Но все это кончилось ничем. Последняя встреча отца с кинематографистами произошла в 1935 году. Некие довольно темные эмигрантские деятели пожелали приобрести права на экранизацию произведений Куприна. Отец решил вести переговоры самостоятель-

но, хотя и не имел никакого представления о гонораре и практической стороне дела. Меня и маму он отослал из дому, но я спряталась в соседней комнате.

Тогда мне, уже связанной с кинематографом, хорошо были знакомы нравы и обычаи белоэмигрантских киножурналистов. Три малопочтенные личности приехали к Куприну с закусками и водкой.

Они опилили отца, которому строго было запрещено пить. Затем стали подсовывать договор на кинопостановку «Ямы» по его сценарию. В договоре значилась абсурдная сумма. Но еще больше возмутило, что Куприну в этой картине предназначалось играть роль... старого пьяницы. Тут я не выдержала, ворвалась в комнату, накричала на этих подонков и почти спустила их с лестницы. Отец был очень сконфужен, но в душе доволен моим поступком.

Так завершилась «кинокарьеря» Александра Ивановича Куприна в годы его эмиграции.

Киносценарий

А. Куприн

ДЕЙСТВИЕ I

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ РАХИЛИ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Поселок первобытного горного племени. Дома сложены из камня. (Может быть, шатры).

Лунная ночь.

У вождя племени в эту ночь родилась дочь. При рождении ей нарекают имя Рахиль. (Имя показать на экране).

С детства Рахиль отличалась от своих резвых подруг. Любила одиночество. Собирала в горах цветы и красивые камни, украшала себя ими. Пела в горах странные песни. Не умела и не любила работать. Опоздала к обеду и ужину. Сестра старшая прибила ее, оставила без ужина, выгнала на улицу. Рахиль плачет. Мальчик Симеон тайком к ней пробрается с куском хлеба. Вытирает ей руку слезы. Отламывает хлеб, кладет ей в рот. Они расстались.

Дети играют. Рахиль в стороне. Уходит на холм собирать цветы. Плетет венок. Симеон за нею. Надевает на него венок. Зацепила платье за сук. Симеон помогает ей распутать. Платье разорвано. Общее горе. Симеон: «Я скажу, что это я». Приходит домой. Симеона прогоняют. Лия хочет бить Рахиль. Вступается Лаван. Старшая сестра, Лия, домовитая, злая и работающая, часто бранила и била ее. Братья тоже были недружелюбны. Не любили ее и девушки племени, так же как старки и старухи. Была она для них чужая, точно пришлица из неведомых стран. Одевалась иначе. Иные лицо, походка, жесты. Один патриарх, Лаван, отец странной девочки заступался за нее. Кроме того, был у нее двоюродный брат, мальчик Симеон, сверстник ее, с которым иногда она играла.

Была она худа и некрасива.

Но вот из детского нежного возраста перешла она в пору девичества и, как это бывает с девушками, сразу, точно в одну ночь, расцвела и похорошела (показать ее, идущей с кувшином на плече). И стала она любезной и желанной в глазах всех юношей и мужей Хорана (показать).

Праздник. Девушки танцуют. Проходит Рахиль. Юноши останавливаются на ее дороге. Кто-то бросает ей цветы под ноги. Симеон поднимает. Идет с ней рядом, заговаривает робко. Она холодная и гордая.

Вслед ее красоте, вслед ее ароматам бежали они. Для того чтобы привлечь ее, слагали на праздниках любовные песни, металы копыя и яростно боролись между собой. Каждый юноша мечтал о том, чтобы взять ее в жены. Она же оставалась равнодушной и к мужской красоте, и к лести, и к любовным обольщениям. По-прежнему уходила в горы, садилась на дикой скале и пела. Простирала руки вперед. Нетерпеливо ждала: вот придет кто-то неведомый.

И для ее брата-друга Симеона наступила пора любовных томлений. Как тень, ходит он за Рахилью, везде ищет ее тоскующими глазами. Идет за ней в горы, следит. Однажды, забравшись к ней на скалу, обнял, стал целовать:

— Люблю тебя, прекрасная моя.

— Оставь меня, Симеон. Я тебя не люблю, я не тебя люблю. Будь мне по-прежнему другом и братом.

— Кто же ты ждешь, всегда устремляя глаза на запад?

— Не знаю. Жду неведомого.

Лия завидует младшей сестре и еще больше притесняет ее. Рахиль месит хлеб, мелет зерно на ручной

мельнице. Лия грубо упрекает ее в лени. Полощет белье. Приносит на плече. Мнет его ногами в ручейке.

ОАЗИС среди пустыни. Лагерь пастушеского кочевого племени. Палатка патриарха Исаака.

Патриарх. (Призывает к себе своего сына Иакова). «Сын мой, ты уже вступил в зрелый возраст. Хочу на склоне дней видеть твоих детей и детей твоих детей. Но среди женщин нашего племени не вижу для тебя достойной. Все они сварливы, злы и бесчестны. Итак, возьми верблюдов, навьючь на них хорошие подарки и завтра утром иди на восток, в Месопотамию Хоррам, где живет друг моей юности Лаван, правящий сильным горным племенем. Там ты выберешь себе девушку по сердцу и возьмешь ее себе замуж».

Иаков. Повинуюсь, отец. Но как же я выберу ту, которая будет угодна в глазах твоих.

Патриарх. Сделай так. Прийди к колодцу, что у Западных ворот Хоррама. Остановись там и жди. Вечером пойдут девушки с кувшинами за водою. Каждую из них ты попроси пить. Одна из них скажет: «Не только тебе я дам пить, но напою и твоих верблюдов». Знай, что это будет указанием тебе свыше».

Иаков. Да будет. Иду изготавлять караван.

Иаков в пустыне на пути в Хоррам.

Иаков у колодца. Раздаются звуки пастушеской свирели. Идут стада, сопровождаемые мужчинами. Все толпятся у колодца. Одна за другой цепью спускаются сверху девушки с кувшинами на плечах, одна рука поддерживает кувшин, другая опирается на бедро, прекрасная и древняя, как мир, поза. Наполнив кувшины, разговаривают, смеются и одна за другой поднимаются наверх. Иаков обращается к некоторым из них: «Девушка, дай мне напиться. Я устал и жажду». Но девушки боятся его и сторонятся: они никогда не видели чужеземца. Юные пастухи смотрят недружелюбно на пришельца. Обмениваются между собой насмешливыми замечаниями, смысл которых понятен на всяком языке. Но Иаков внушает им почтение ростом, силой и спокойствием.

Отдельно спускается Рахиль.

Хор девушек. Вот идет Рахиль.

Юноши. Гордая, прекрасная Рахиль.

Появляется Рахиль. Сзади, следом за нею Симеон. При виде Иакова на секунду останавливается пораженная, взволнованная.

Он выпрямляется и устремляет на нее глаза. И во все время, пока Рахиль спускается вниз, они не отрывают друг от друга восторженных глаз. Рахиль черпает воду из колодца, не переставая глядеть на Иакова.

Иаков. Сестра моя, наклони кувшин твой, чтобы я мог напиться.

Рахиль. Брат мой, пей, прошу тебя, а потом, если хочешь, я напою и твоих верблюдов.

Иаков напился. Пьют и верблюды.

Рахиль. Скажи мне, брат мой, кто ты и откуда пришел?

Иаков рассказывает. Симеон следит за ним с тревогой. В это время сквозь толпу пробрается Лия и серьезно, с недобрый вниманием и ревностью слушает слова Иакова. Он поразил ее воображение и сердце.

Надпись на экране:

Он рассказывает. Одна же из них скажет: не только тебе напою, но дам пить и твоим верблюдам. Ее ты и возьмешь себе в жены.

— Не дочь ли ты Лавана, брата и друга отца моего?

Рахиль. Да, я дочь Лавана. Имя мое Рахиль.

Иаков. Прими же дары отца моего, вот эти золотые подвески и золотые запястья, и дай мне поцеловать тебя.

Рахиль смущена, краснеет, стыдливо отворачивается. Иаков обнимает ее. Она не сопротивляется. Опускает голову вниз. Иаков целует ее трижды*. Смятение между девушкой. Гневное движение среди мужчин. Симеон злобно порывается вперед. Лия останавливает его, подходит к сестре и делает ей выговор с суровым повелительным видом. Но когда Лия оборачивается к пришельцу, в ее глазах восторг и мольба.

Рахиль. Пойду, побегу к отцу моему. Он будет рад узнать, что пришел сын друга его. (Убегает). Лия тоже уходит.

Молчаливая, оживленная сцена у колодца. Юноши хоррамские обступают Иакова, как шакалы льва. Но его спокойствие и сдержанность в движениях подавляют их. Когда он делает шаг вперед, они отступают. Когда же он уходит назад — они приближаются. Гневные крики и яростные жесты. Впереди всех Симеон.

* Звук свирели.

По дороге к дому Лаванову:

Лия догоняет идущую Рахиль. Останавливает ее. «Отдай мне этого чужестранца. Я полюбила его с первого взгляда. Я старше тебя и должна выйти первой замуж. Ты молода и красива, ты найдешь, кого хочешь, а я, увидев его однажды, уже не буду ничьей женой».

Рахиль. «Нет, нет, сам бог мне послал того, кого искала душа моя». Лия останавливается, оскорбленная, задумчивая.

Рахиль вошла в свой дом. Рассказала Лавану обо всем, что было у колодца. При имени отца Иакова он радостно встает и идет навстречу Иакову. Рахиль опережает его.

Продолжение сцены у колодца. Входит Рахиль. Перед ней все расступаются. Глядя только на Иакова, берет его за руку и ведет навстречу Лавану.

Встреча Лавана с Иаковом. Поздний вечер. Место у входа в жилище Лавана. Костры. Лаван сидит. Перед ним стоит Иаков. Сбоку Рахиль. С другой стороны Лия, Симеон и другие члены семьи, малые дети. Дальше, вокруг все племя. Иаков рассказывает. Экран: . . . и тогда поцеловал я ее и назвал сестрой своей и возлюбленной своей, а она повела меня навстречу отцу своему.

Лаван. Гляжу я на тебя и узнаю в твоём лице лицо друга моей юности Исаака. И тепло стало сердцу моему. Подойди, сын мой, и обними меня.

Иаков подходит и преклоняет колени между колен Лавана. Тот возлагает руки на его голову, подымает и целует.

Иаков. Прошу тебя, отец мой, да не прогневают тебя слова мои, скажи мне, не видишь ли ты во всем этом указания бога. Отдай мне в жены дочь твою Рахиль».

Лия (вспыльчиво). Обычай страны не позволяет отдавать младшую дочь раньше старшей.

Лаван (сурово). Замолчи. (Задумчиво). Руку божию я здесь вижу, но не хочу поступать опрометчиво. Дам время подумать и тебе, и дочери моей. Семь лет ты должен прослужить у меня, как простой работник. Это будет и выкупом твоим за Рахиль и испытанием для вас обоих. После этого срока отдам тебе в жены дочь мою. Рахиль и Иаков склоняются. «Да будет так».

Лаван. С завтрашнего дня ты начинаешь работать. Ныне — ты гость. Да будет в честь тебя пир. Эй, женщины и рабы.

Пир в котловине между дикими горами. Танцы. Рахиль танцует перед Иаковом. Древний танец, заключающийся лишь в страстных и нежных изгибах тела. Состязание юношей в стрельбе из лука. Метание копыя. (Это очень легко исполнимо, если привлечь к позированию гимнастов-любителей). Симеон, как будто бы нечаянно, бросает копьё так, что оно пролетает на вершок от головы Иакова. Иаков спокоен. Не торопясь встает, выдергивает копьё, застрявшее острием в дереве, и говорит:

«У тебя слабая рука, брат мой, и неверный глаз. Посмотри, как надо метать копьё».

Делает углем отметку на столбе, отходит на некоторое расстояние и метет копьё. «Пойди извлеки копьё, брат мой».

Юноша не может вытащить. Не могут этого сделать и двое. Иаков возвращается спокойно на свое место рядом с Лаваном. Сконфуженный Симеон незаметно выходит.

Лаван наливает ему вина. «Пей, сын мой. Глядя на тебя, я молодею душой».

Женщины расходятся. Пир продолжается.

СЦЕНЫ у дома Лаванова, в стороне от пира. Светит луна.

1) Симеон, пристыженный Иаковом, потихоньку ушел с пира. Стоит, прислонившись к стене, терзаемый ревностью, мстостью, унижением.

2) Лия проходит мимо него: «Мальчишка. Тебе не копьё держать в руках, а женское веретено».

3) Проходит Рахиль: «Ты это нарочно сделал, Симеон?»

— Да! Ты полюбила его, а не меня.

— Другой любви и не могу тебе дать, ты сам это знаешь. Я и теперь люблю тебя, как брата!

— Уйди, уйди. Рахиль, такой любви я не хочу. Я знаю, что мне делать.

Уходит.

Место пира.

Лаван. Звезды высоко, дети, пора спать. (Пир кончается.)

Работа Иакова. На вершине холма, на фоне утреннего неба.

(Окончание на 20-й стр.)